

квартиры, чуть было не «уплывшей» к номенклатурному чиновнику, с беллетристической сатирической «Шапкой» (1987), в которой вымышленный писатель Рахлин оскорблен тем, что выделенная ему писательским союзом шапка из кошачьего меха не соответствует его заслугам: «Нет ни малейших сомнений в том, что в замысел Войновича ни в коей мере не входили параллели между собственной героической судьбой и передрягами ничтожного Рахлина. Но что делать – бывают странные сближения. Написанная одиннадцатью годами позже “Шапка” сегодня невольно воспринимается как некий иронический постскриптум к “Иванькиаде” или даже как невольная, но злая пародия на собственную автобиографическую повесть» (с. 138).

А.О. Большев считает, что исповедально-биографический импульс можно обнаружить во многих литературных произведениях, в которых доминирует обличительное начало.

К.А. Жулькова

Русское зарубежье

2009.04.033. А.Л. БЕМ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОЕКТЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: МЕЖДУНАР. НАУЧ. КОНФ., ПОСВЯЩЕННАЯ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ, 16–18 НОЯБ. 2006 / Сост. и науч. ред. Васильевой М.А. – М.: Русский путь, 2008. – 483 с.

Сборник открывается статьей М. Магидовой (Прага) «Альфред – Алексей Бем (К вопросу самоидентификации)». Альфред Людвигович Бем был крещен 15 июня 1886 г. в римско-католическом приходском костеле св. Александра в Киеве, в 1910 г. принял российское гражданство, с января 1920 находился в эмиграции и 12 ноября 1937 г. принял православие в Праге. «Чем сильнее Бем осознает свою задачу как духовную, тем более размытыми становятся в его сознании географические и национальные границы оппозиции “своего” и “чужого”», и наоборот, чем более «воинственными и мобильными» оказывались национальные границы, «тем более глубокой и осознанной становилась его связь со словом, с языком русской культуры» (с. 15–16).

Для ученого был закономерен путь к религии не через храм, а через культуру и университет с научной школой А.А. Шахматова, утверждает М. Магидова. «Православие Бема, логически завер-

шившее его странствие по культуре славянства, несло на себе марку его западничества, марку Петербургского университета как символа научности и живого человеческого опыта» (с. 23). Имя Алексей, которое Бем принял при крещении, не было случайным совпадением с именем Шахматова, венчавшего «галерею имен, с немецкой педантичностью вписываемых Бемом в свои святцы» (с. 24). В личном пути ученого отразилась секуляризация русской культуры, к преодолению которой сознательно стремилась эмиграция. Так возник «Алексей Федорович Бем» – человек, в имени которого не осталось ничего случайного, не связанного с телеологией его жизни, к которой Достоевский причастен как еще один источник, духовный и интеллектуальный, питавший жизнь исследователя и, в конечном счете, сформировавший ее.

В 1944 г. в оккупированной Праге репринтным способом была издана лекция Бема «Церковь и русский литературный язык» – последний опубликованный им текст. Язык для него – это духовный путь человека. Прокламируемая Бемом самоценность русской культуры была оппозиционна проводимой немцами политике де-славянизации.

«Феномен “литературного припоминания” в эстетике А.Л. Бема» находится в центре внимания С.Г. Бочарова. Формулой «метод мелких наблюдений» Бем обозначил отличие «масштаба и формата» своего внимания к литературе от литературно-философской критики и от формальной школы. Он заложил основу новой теории, обозначив ее словами – «литературные припоминания», которыми он пользовался при исследовании Достоевского. В статье «Драматизация бреда», проследив мотивы гоголевской «Страшной мести» в «Хозяйке» Достоевского, литературные впечатления писателя он определил как «литературные припоминания», и так назвал специальный раздел в статье, подчеркивая *бессознательное* использование Достоевским мотивов Гоголя. Припоминание – платоновский термин. Но его критик нашел также и у Достоевского, который, по мысли Бема, бывал *во власти* таких состояний.

«Литературное припоминание» (Бем прибегал и к термину «*реминисценция*») может быть процессом, близким к цитированию, но «это поверх (или глубже) ...припоминания образца, прототипа; в предельном случае это может быть *вековой прототип*» (с. 33). Сверхсюжет и сверхпамять. К представлению о такой объективной,

сверхличной памяти и ведут литературные припоминания Бема, полагает С.Г. Бочаров. По его мнению, такая память особого рода и должна быть ключевым понятием новой теории литературы, с такими ее характеристиками, как память непреднамеренная, сверхличная, *генетическая память литературы*. Однако эти характеристики сами нуждаются в обосновании.

Вехи пушкинистики Бема рассматривает его внук С. Давыдов (Миддлбери, США) в статье «Бем – пушкинист». В дореволюционные годы ученый был участником семинария С.А. Венгерова «Пушкин: История его жизни, творчества и текста» (1908–1916), из которого вышли филологи – Ю.Н. Тынянов, А.С. Долинин-Искоз, В.Л. Комарович. С самого начала его интересовали вопросы литературного влияния (первая печатная работа – «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина», 1911). Он пересматривал и по-новому трактовал понятие историко-литературного влияния, указывал на зыбкость границ между «чужим» и «своим», устанавливал различие между сознательной реминисценцией и произвольным «литературным припоминанием» и описывал своеобразие «преломления» чужого текста в новом словесном окружении. Самым ценным вкладом Бема в пушкинистику С. Давыдов считает статьи об отражении «Пиковой дамы» и «Скупого рыцаря» в творчестве Достоевского (1936). Бем показал насколько такие его «гениальные читатели», как Достоевский и Толстой обязаны Пушкину.

В книге «О Пушкине» (Ужгород, 1937) ученый уделит особое внимание «Маленьким трагедиям», назвав их «самыми насыщенными драмами человечества». В главе о болдинской осени он обратил внимание на «внутреннюю сопряженность» болдинских произведений с личной жизнью поэта (раздумья о «тайнах счастья и гроба», о «судьбе и роке») и выдвинул на первый план тему судьбы, объединяющую весь болдинский цикл.

В приложении к статье приводится хронологический список работ Бема о Пушкине.

В.А. Викторovich (Коломна) в статье «Из истории достоевсковедения. А.Л. Бем» отмечает, что психоаналитическая установка критика в начале 1920-х годов вела его (в отталкивании от «социальных» прочтений Достоевского, усиливающихся в то время в России) к постижению отразившегося в произведениях «мучительного процесса внутренней борьбы» в душе самого писателя (с. 58).

Вслед за Д. Мережковским в личности Достоевского критик – через призму его художественных созданий – видит и «вершины моральных достижений», и «бездну греха содомского». По логике Бема, писателя спасло лишь искусство. Ход рассуждений исследователя привел его к теории творчества как сублимации; свой путь он называет «осторожным приближением к методам школы Фрейда».

В Советской России было востребовано *победительное* отношение к жизни; «пораженческое» понятие вины представлялось отжившим и вредным. С этих позиций Достоевский если и признавался гением, то «больным гением нашим». Следующим шагом на этом пути стало отрицание самой его гениальности. Принципиально иным был путь эмигрантского достоевковедения. Сугубо академические статьи Бема противостояли «победительному» – «языческому» в своей основе – мировоззрению. Тема вины у Достоевского («всякий за всех виноват», как говорится в «Братьях Карамазовых») логически подводила к понятию вины человека за общее состояние мира. Выявлялся соположный мотив, которому Бем посвятил свою последнюю статью о писателе, – «Чужая беда в творчестве Достоевского» (1941).

В статье «Работы А.Л. Бема о Достоевском и религиозно-философская достоевистика» А.Г. Гачева отмечает, что в условиях эмиграции обращенность к Достоевскому как к идеологу, апостолу русской идеи и духовному учителю человечества была всеобщей, а Бем заговорил о нем прежде всего как о *писателе*, не пророке, но представителе конкретного вида искусства, где действуют свои правила и законы, отличающиеся «от того, как преломляется этот мир сквозь философскую и богословскую призму» (с. 80). Сторонники религиозно-философской достоевистики, по убеждению Бема, шли не от поэтики, а от идеологии, он же в своих работах стремился привлечь внимание к форме литературного произведения, указать на особенности воплощения идеи в художественном тексте. Бем не мог согласиться с тем, что истинный Достоевский, исследователь «бездн сатанинских» и визионер «миров иных», идейный диалектик и метафизик, начинается только с «Преступления и наказания» (по Д.С. Мережковскому) или с «Записок из подполья» (по Н.А. Бердяеву); он доказывал, насколько ошибочно делить творчество писателя на два периода, и демонстрировал «единство тем, образов, мотивов раннего и зрелого творчества, глубинную

преемственность и перекличку идей» (с. 82). Анализируя поэтику Достоевского, генезис его произведений, образ «преступного героя», зараженного грехом и своеволием, «бьющегося в тупике отрицания и безверия», Бем не противоречил С.Н. Булгакову и Н.А. Бердяеву, писавшим о теме гордыни, человекобожия и нигилизма у Достоевского.

Литературоведение Бема особенно интересно именно тонким переосмыслением назначения психоанализа, перераспределением акцентов – с предмета исследования – на метод разработки, т.е. на технику анализа текста, утверждает М.А. Васильева в статье «А.Л. Бем, П.М. Бицилли, Д.И. Чижевский: метод “мелких наблюдений”». Она обращает внимание на контекст «целостного интеллектуального проекта», каким был пражский Семинарий по изучению Достоевского. Научные концепции его участников – «микроскопический анализ» Бицилли как альтернатива отвлеченным построениям философии истории, этико-онтологические концепции Чижевского, психоаналитические «интуиции» Бема, – пропущенные через «критическую массу» работы Семинария в целом, «обретали многомерное звучание, обогащались взаимными перекрестными ссылками и реминисценциями. В области литературоведения это рождало сближавший их особый метод стилистического анализа» (с. 129).

А.Н. Паршин в статье «Зеркало и двойник у Гоголя и Достоевского» сделал несколько замечаний к работе А.Л. Бема «Нос и двойник», содержащейся в его книге «У истоков творчества Достоевского» (Прага; <Берлин>: Петрополис, 1936), а также к работе Д.И. Чижевского «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)», которая входит в сборник статей разных авторов «О Достоевском», вышедший под редакцией А.Л. Бема в Праге в 1929 г.

«О философских методах в литературоведении русской эмиграции (А.Л. Бем, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен)» размышляет О.Т. Ермишин. В отличие от Бема и Зеньковского, Гессен предложил принципиально иной подход к философскому пониманию литературного текста. Он видел в произведениях Достоевского законченные философские концепции, т.е. по сути рассматривал литературный текст как философский. По его мнению, в «Братьях Карамазовых» писатель создал целую систему этики. Своим объектом исследования С.И. Гессен избрал преимущественно метафизи-

ческий план, с которым связаны другие уровни (эмпирический, психологический, мистический). Для С.И. Гессена братья Карамазовы – это три образа (ступени) добра в этической системе Достоевского. Дмитрий – проявление природно-стихийного добра, Иван – добро как предмет рефлексии, Алеша – добро как любовь. При этом в случае с Иваном, как считал С.И. Гессен, Достоевский представил диалектику автономного добра, тождественную этике Канта. Такое отождествление с Кантом было критически воспринято Д.И. Чижевским¹. С.И. Гессен предложил личную интерпретацию, не выходящую за границы его философского мировоззрения. Он «проецировал личное философское понимание на литературный текст, что кардинально отлично от синтетической методологии Бема и Зеньковского» (с. 159).

«Младоземлянская поэзия и традиции русской литературы в концепции А.Л. Бема» – тема статьи Л.Н. Белошевой (Прага). Критик полагал, что собственно «эмигрантской» может называться лишь литература молодого поколения. Незаменимую роль в ее развитии, согласно Бему, сыграли четыре поэта старшего поколения: М. Цветаева, В. Ходасевич, Г. Иванов и Г. Адамович. В «Письмах о литературе» Бем прежде всего акцентировал внимание на двух узловых проблемах – ответственности поэзии перед словом и выразительности поэтических средств. Понятие «простота в поэзии» младоземлян в Париже и в Праге было наполнено противоположным смыслом. Простоту критик определял как «формальное совершенство», которое дается через приобретение большого поэтического опыта, и путь к ней он видел через новое явление в поэзии – так называемую «сложность», «относительную в его представлении и связанную с именами Рильке и Пастернака» (с. 181). «Простота» субъективной современной ему лирики, под которой он подразумевал, прежде всего, творчество адептов «парижской ноты», «по его представлениям, связана с обеднением поэтического мира художника, мира, лишенного вещности. В результате, как подчеркивает Бем, остается голое, уязвленное неправдой мира

¹ См.: Чижевский Д.И. К проблеме двойника: (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. – Прага, 1929. – Т.1. – С. 9–38.

«Я»¹) (там же). В доминирующей вещности, предметности поэтики «пражской школы», углубленно разрабатывавшей сферу образности, распознавалась ее близость традициям акмеизма и футуризма, пастернаковской традиции, заключает Л.Н. Белошевская. В приложении к статье приводится «Письмо А.Л. Бема от 28 мая 1940 г., адресованное в Русское научно-исследовательское объединение при Русском свободном университете в Праге».

В статье «Николай Бахтин и Альфред Бем о литературе» С.Р. Федякин обращает внимание на то, что главная творческая идея «скитников», поставленная перед ними их наставником А.Л. Бемом: «Литература – преображение жизни»², – оказалась созвучна мыслям Н. Бахтина, говорившего об *энергии* слова, о личностном отношении к слову как делу. Н. Бахтин оставался мыслителем-одиночкой. Его выступление против позиции Г.В. Адамовича произошло на пятом заседании «Зеленой лампы», в споре: «Есть ли цель у поэзии?» Настоящая поэзия, по мысли Адамовича, должна «отвлекать человека от жизни» и тем самым «утолять человеческую душу». На это воззрение обрушился Н. Бахтин, увидев, что докладчик по сути дела пытается представить поэзию как своего рода «наркотик», уводящий от жизни, тогда как поэтическое слово по своей природе – слово магическое, способное перерождать личность воспринимающего. Бахтин спорил не с Адамовичем, но со всей современной поэзией.

Бему не удалось на равных войти в длительный спор В. Ходасевича и Г. Адамовича, «но позиция Бахтина, по сути дела противостоящая тому явлению, которое чуть позже будет названо “парижской нотой”, – усиливает позицию Бема» и свидетельствует о том, что мысли «оппонентов» Адамовича – Н. Бахтина и А. Бема – «опирались на одну глубинную основу, которую и пытался выразить каждый из них на своем, неповторимом языке» (с. 197).

«Размышления А.Л. Бема о смерти поэта в контексте дискурса “умирание искусства”» находятся в центре статьи М. Задражиловой (Прага). В своих статьях Бем регистрировал уходы поэтов,

¹ Бем А.Л. Вступительное слово на вечере «Скита» 25 апреля 1933 г. // «Скит». Прага, 1922–1940: Антология. Биография. Документы. – М., 2006. – С. 667.

² Бем А.Л. Тезисы выступлений на вечерах «Скит» // «Скит». Прага, 1922–1940: Антология. Биография. Документы. – М., 2006. – С. 683.

тупики русской литературы (зарубежной и советской) и признаки ухода того типа искусства, с которым срослось его поколение. «Смерть поэта» – метафора умирания классической культурной эпохи. Рассуждения критика, который в своей последней статье писал о необходимости «посмотреть на эмигрантскую литературу не как ее современник, не как участник литературных споров, а по возможности под углом “зрения вечности”¹» во многом схожи с рассуждениями В. Вейдле («Умирание искусства»). Тема «смертности человека» перерастала у Бема в тему об «умирании (смерти) искусства», ставшую для него после Первого съезда советских писателей темой первостепенной важности. Материалы съезда вновь убедили его в том, что будущее русской литературы может (и должно) гарантировать только русское зарубежье. Поэтому он тщательно следил не только за дискурсом смерти в художественных текстах, но и за крайними, экстремальными эпизодами из хроники молодой литературы, которые он непосредственно соотносил с процессом умирания искусства, обусловленного, как и преждевременные смерти поэтов 30-х годов, такими же историческими, социологическими, психологическими и литературными условиями. В научных статьях Бем не раз затрагивал эти проблемы, начиная с различных реализаций сюжета «соблазна смерти» в творчестве Гёте, Пушкина, Достоевского, Л. Толстого, Тургенева и ставшего одним из частых сюжетов русского модерна. Свои размышления он продолжил в «Письмах о литературе».

Т. Гланц (Прага) в статье «Альфред Людвигович Бем: Магический реализм и эмигрантская литература» акцентирует внимание на том, как критик понимал литературный процесс и само явление эмигрантской литературы, восприятие которой выстраивается «на основе двух бинаризов». С одной стороны, это противопоставление литературы, которая возникала в советской России, и литературы «зарубежной»; предпочтение критика на стороне советского культурного пространства, хотя идеологию соцреализма, как и другие формы идеологического нажима на литературу, он неизменно отвергал. С другой стороны, европейская культура и восприятие

¹ Бем А.Л. Русская литература в эмиграции // Меч. – Варшава, 1939. – 22 января.

действительности противопоставляется русскому и ставится задача зарубежной литературы: преломление чужой жизни сквозь русское восприятие мира (с. 239).

О политических взглядах и общественной деятельности Бема размышляет М. Бубеникова (Прага) в статье «Альфред Бем – сторонник активизма».

В сборнике также опубликованы статьи: «О практической ценности пражского “Словаря личных имен у Достоевского”» (Б.Н. Тихомиров, С.-Петербург), «Зеркало и двойник у Гоголя и Достоевского. Несколько замечаний к работам А.Л. Бема и Д.И. Чижевского» (А.Н. Паршин), «Историко-литературные исследования Альфреда Бема в переписке с Артуром Лютером» (Ф.Б. Поляков, Вена), «Бем и День русской культуры» (Л.И. Петрушева). «Альфред Бем: Педагогическая деятельность и взгляды. К вопросу о педагогических концепциях Бема» (З. Ульбрехт, Прага), «О некоторых неизвестных письмах А.Л. Бема в архивах Москвы (фонды К.С. Шохор-Троцкого и Бонч-Бруевичей)» (А. Н. Горяинов), «Библиографическое изучение наследия А.Л. Бема: Итоги и перспективы» (О.Н. Ильина, С.-Петербург), «Альфред Бем и Отто Бем: На двух полюсах жизни» (Бем Ю.О.), «К вопросу о гибели А.Л. Бема» (В.П. Нечаев).

Раздел «Материалы» включает архивные публикации и воспоминания: «А.Л. Бем в письмах и документах» (Л. Ливак, Торонто); А.Л. Бем «Жизнеописание» и «Из переписки А.Л. Бема»; «Психоанализ в литературоведении эмиграции: Н.Е. Осипов в трудах А.Л. Бема» (М. Магидова, Прага); Н.Е. Осипов «Новый подход к Достоевскому: Работы А.Л. Бема»; «Альфред Бем в документах Лубянки»; «Мои воспоминания о семье Альфреда Людвиговича Бема» (Н.Г. Михайловский (Братислава).

Приложения составили: «Письмо А.И. Бема к А.Н. Михайловской»¹ и «Мои воспоминания» (перевод с чешского Т.А. Малышевой) М. Доскочиловой-Голиковой (родилась 5 июля 1943, внучка ученого).

Т.Г. Петрова

¹ См. также: Бем А.Л., Срезневский В.И. Переписка / Сост., подгот. текста, введ., коммент., имен. указ.: Бубеникова М., Горяинов А.Н. – Брно, 2005.